

² Кулаков П.Е. Остров Ольхон: Хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомств (бывшего Ольхонского ведомства) Верхоленского округа Иркутской губернии // Зап. Русского геогр. о-ва. Т. 8. Вып. 1. СПб., 1898. С. 26–27.

³ Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск, 1987. С. 236–237.

⁴ Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977. С. 195; Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. М., 1978. С. 22; Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск, 1987. С. 75, 76.

⁵ Михайлов Т.М. Указ. раб. С. 237.

⁶ Кулаков П.Е. Указ. раб. С. 22.

⁷ Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по 18 век). Новосибирск, 1980. С. 167.

⁸ Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988. С. 30.

⁹ Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980. С. 94.

¹⁰ Галданова Г.Р. Указ. раб. С. 75.

¹¹ Яковлев В.Ф. Сэргэ (коновязь). Ч. 1. Якутск, 1992. С. 19.

¹² Басаева К.Д. Поселения и жилища аларских бурят (вторая половина XIX – начало XX в.) // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск, 1993. С. 57.

¹³ Цэрэнханд Г. Традиции кочевого стойбища у монголов // Из истории хозяйства... С. 31, 35.

¹⁴ Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма. С. 191.

¹⁵ Семейная обрядность народов Сибири. С. 91–96.

¹⁶ Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм... С. 41.

¹⁷ Галданова Г.Р. Указ. раб. С. 54–56.

¹⁸ Кулаков П.Е. Указ. раб. С. 40.

¹⁹ Хангалов М.Н. Несколько данных для характеристики быта северных бурят // Собр. соч. Т. 1. Улан-Удэ, 1958. С. 225.

²⁰ Там же. С. 223–225.

²¹ Хангалов М.Н. Различные записи // Отдел письменных памятников Востока Ин-та монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. Инв. № 128. Тетр. 3. С. 108.

²² Хангалов М.Н. Шаманские легенды // Собр. соч. Т. 3. Улан-Удэ, 1961. С. 51.

²³ Там же. С. 45.

²⁴ Там же; его же. Душа // Собр. соч. Т. 2. Улан-Удэ, 1959. С. 195.

²⁵ Бутанаев В.Я. Традиционная пища хакасов // Из истории хозяйства... С. 150.

²⁶ Галданова Г.Р. Указ. раб. С. 63.

²⁷ Кулаков П.Е. Указ. раб. С. 122.

²⁸ Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981. С. 356.

S. G. J a m b a l o v a. New Materials on Olkhon Buryat Ethnography

The author of the article stresses that her research of Olkhon Buryat culture is conditioned by its insufficiently known exploration. On the basis of field material the author gives the description of traditions, beliefs and funeral rituals of this Buryat group.

© 1999 г., ЭО, № 1

И. А. Р а з у м о в а

ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННЫХ ГРУПП

Этнографии и фольклористике хорошо знакомо и привычно понятие «семейный фольклор». О «семейном фольклоре» принято говорить в связи с процессом передачи и сохранения в семье или группе родственников классического фольклора: былин, сказок, песен и т.п. В этом случае акцент делается на поколенной преемственности, и

интерес сосредоточен на том, как передаются, например, песни и манера их исполнения от матери-песельницы к дочери, каковы пределы импровизации и степень устойчивости фольклорных форм. Эта проблема особенно хорошо разработана в эпосоведении и этномузыковедении. Ей была, в частности, посвящена скандинаво-балто-финно-угорская конференция «Семья как носитель традиции», состоявшаяся в Таллине в 1994 г.¹ Данный аспект касается механизма существования и динамики фольклорного процесса, однако он не позволяет выявить содержание предмета, который составляют корпус текстов и совокупность традиционных форм.

Вторая интерпретация понятия «семейный фольклор» касается обрядовой предназначенности определенных жанров. Словесно-музыкальные тексты в обрядах жизненного цикла человека, традиционно именовавшиеся «семейно-бытовыми», стали рассматриваться как «семейные». Похоронные причитания, свадебные песни, приговоры и т.д. составляют разделы «Семейно-бытовая поэзия» или «Семейная обрядовая поэзия» в большинстве учебных пособий и антологий.

С включением в исследовательское поле материалов современной словесности и расширением объема понятия «фольклор» появилась возможность поставить вопрос иначе. При идентификации области семейного фольклора прежде всего должны быть исключены какие-либо жанровые ограничения. Семейная тематика – органичная часть содержания большинства фольклорных «классических» жанров, включая сказки, баллады, пословицы, загадки, несказочную прозу и др. Равным образом почти любой жанр может использоваться в «семейной» функции, т.е. исполняться в семейном кругу, служить целям воспитания, рекреации и т.д. Семейный фольклор – одна из многочисленных групповых форм фольклора. Группа, объединенная узами кровного родства и свойства (семья), по разным линиям осознает внутренние связи и основанные на этих связях традиции². Она имеет собственное культурное пространство и свою историческую память. То и другое находит выражение в вербальных текстах, которые выполняют в первую очередь семейно-интегративную и семейно-адаптивную (особенно для детей и свойственников) функции. Словесность семьи служит также средством отграничения родственного клана и повышения его статуса.

Существование семейной словесности обусловлено устойчивыми формами частного быта, характером взаимоотношений родственников, особенностями семейно-родового сознания. Наличие и уровень фольклорной традиции – показатели силы, степени осмысления и способов реализации фамильных связей. Структурирование родственных отношений в современной культуре опирается на две основные единицы: «семья» и «родственники»³, которые находятся в особой взаимосвязи. При идентификации семьи используется признак совместного проживания и, следовательно, более тесных и постоянных контактов, в результате которых вырабатываются общие и устойчивые словесно-коммуникативные формы.

Вместе с тем носителем традиции является не только «малая» семья, но и родственники, живущие раздельно (нередко они значительно территориально разобщены). Родственные группы могут быть связаны единым семейным преданием и унаследованными способами бытового и речевого поведения. Взаимоотношения между поколениями и внутри поколений, а также взаимоотношения родственников одного пола, возраста и т.п. варьируют в разных семьях. Их можно проследить как тенденции, но не как общие закономерности, в том числе и на фольклорном материале. Изучение фольклора предполагает учет семейной стратификации, однако не должно ограничиваться анализом бытовой словесности только одного типа семьи, например, «малой», или микрогрупп.

Следует понятийно и терминологически разграничить понятия «фольклор семьи» и «семейный фольклор». Первым обозначим совокупность традиционных текстов, бытующих в каждой конкретной семье. В нее входят любимые народные песни, которые исполняются в семейном кругу, репертуар бабушкиных сказок, отцовских анекдотов и т.п. Термин «семейный фольклор» справедливо отнести к специфическим произведениям, происхождение и функционирование которых связано с формами

семейного уклада и осознанием феномена родства. Среди них можно выделить тексты «для внутреннего пользования» и с расширенной сферой бытования. Первые составляют культурную собственность семьи, поэтому записать их очень непросто. Так, информатор может заметить: «Много шуток, которые понимаем только мы. Я не буду объяснять, что они означают, пусть они будут понятны только нам». Вместе с тем семейный фольклор нередко выносится за пределы своего круга сознательно или ненамеренно. Он становится достоянием друзей, знакомых, коллег.

Изучение семейной традиции предполагает два взаимодополняющих направления. Одно из них – комплексное рассмотрение фольклора отдельных семей, для которого используется главным образом метод включенного наблюдения. Второе опирается на жанровый принцип и методики фронтального собирания и анализа. Нами предпринят общий обзор основных жанров семейного фольклора с учетом обоих указанных аспектов. Материалом для предварительных выводов послужили записи, произведенные от 350 информаторов – городских и сельских жителей северо-западного региона России (Карелия, Архангельская и Ленинградская области) в течение 1995–1998 гг. Социально-профессиональный и половозрастной состав информаторов неоднороден: от школьников 10–12 лет до поколения их прабабушек. Вполне закономерно, что основные носители семейной традиции, в том числе словесной, – женщины. Они лучше знают семейную историю, дальних родственников (как правило, переписку ведут женщины), охотнее и подробнее рассказывают о семье. Сложнее всего беседовать на эти темы с мужчинами молодого и среднего возраста. Вместе с тем можно легко заметить, что члены семьи в зависимости от принадлежности к полу и поколению просто по-разному приобщены к семейной культуре. Так, именно мужчины в большинстве случаев создают «смеховой» фон домашнего общения: являются знатоками анекдотов, создателями семейных прозвищ, шуток и т.п. Освоение фамильной традиции происходит поэтапно, поэтому степень владения материалом неодинакова у различных возрастных категорий информаторов. Собеседники 17–18 лет неоднократно замечали: «Бабушка сказала, что когда придет время, она мне все расскажет».

«Семейные тексты» естественным образом воспроизводятся в повседневных и ритуализованных домашних разговорах. Особые условия создают дни рождений, свадеб, юбилейных и поминальных дат. Разнообразные будничные ситуации: встреча родственников, получение письма, вечерняя застольная беседа, рассматривание фотографий, общение старших с младшими, сопровождающееся передачей опыта, – провоцируют семейные воспоминания и актуализируют типовые формы словесной коммуникации. Вне семейного круга рассказы о родственниках возникают лишь в некоторых благоприятных ситуациях (вспомним «вагонные» беседы), «к теме» разговора» или по каким-либо внешним ассоциациям. Фиксирование материала в естественном контексте, разумеется, предпочтительнее. Одновременно нами использовалась и специально разработанная программа-вопросник. По возможности вопросы ставились в общей формулировке: «Что вы знаете об истории своей семьи?»: «Кого считаете наиболее интересными личностями в роду?» и т.п. В случае необходимости вопросы детализировались, в частности при уточнении подробностей семейных празднеств. Вопросник оказывает существенную помощь при собирании сведений, например, по истории семей, но он мало пригоден, когда нужно зафиксировать язык внутрисемейного общения, который всегда строго ситуативен. Применялся также метод самозаписи информаторов, который дает возможность собрать материал в достаточном количестве. В этом случае задание или просьба формулировались так, чтобы опрашиваемые не прибегали к специальным генеалогическим разысканиям, поскольку одна из задач состояла в фиксировании неоднократно повторяющихся в семье текстов, которые находятся в памяти и «на слуху».

Нами предпринят общий обзор жанров семейного фольклора, выявляющихся при первом приближении к материалу. В вопросе жанровой дифференциации мы опираемся на предложенное Б.Н. Путиловым деление фольклора на пять областей:

внеобрядовую прозу, внеобрядовую песенную поэзию, фольклор непосредственно ритуализованных форм, собственно драматические формы и фольклор речевых ситуаций⁴. Самое значительное место в семейной традиции занимает внеобрядовая проза с установкой на достоверность. Далее следует фольклор речевых ситуаций. Несколько скромнее представлен обрядовый и игровой фольклор и в еще меньшей степени – другие области словесности.

Рассказы о своих предках, происхождении и истории рода, событиях семейной жизни составляют семейную историческую прозу. Повествовательные формы ее различны. Выстроенный по хронологическому принципу последовательный рассказ об истории семьи, типичный для письменных мемуаров, в устном бытовании практически не встречается. Для него нужны особые обстоятельства или настойчивая просьба собирателя. В естественных условиях история рода в устной передаче предстает как ряд фрагментарных воспоминаний-меморатов. Это отдельные сюжетные новеллы, рассказы-характеристики предков или здравствующих родственников, изложение обстоятельств жизни семьи в тот или иной период. Счет времени в семейной истории ведется поколениями или событиями собственно фамильными в ущерб точной хронологии. Так, матери, вспоминая какой-либо факт, определяют время по отношению к возрасту и рождению детей: «Это случилось, когда Андрею было годика три»; «Юля еще не родилась, а Катя была маленькая» и т.п.

Несмотря на то что семейная историческая память объединяет знания об отцовской и материнской линиях, в большинстве случаев, по нашим наблюдениям, хорошо известна только одна линия родственников. Это касается даже полных семей. Глубина памяти измеряется количеством поколений, о которых сохраняются какие-нибудь сведения. Большая часть информаторов неплохо знают четыре поколения, около 10% – пять и более. Нередко в знаниях о предках наблюдается прерывность, когда, например, семья хранит предание о предке, служившем при Петре I, но о его потомках, которые жили в последующие полтора-два века, сведений не имеет. В подобных случаях персонаж предания выступает фигурой, равной основателю рода, поскольку «начало» семьи – это начало фольклорной памяти о ней. В целом же представление о единстве происхождения, связанном с конкретным пращуром, в современном семейном сознании отсутствует, насколько мы можем судить по имеющимся материалам. Что касается объема знаний о родословной, то почти все ощущают его недостаток. Абсолютное большинство рассказчиков независимо от реальной степени осведомленности начинает с сожаления: «О своих предках я знаю мало». Интерес к семейной истории и генеалогии, усилившийся в последние годы, стимулирует поиски «родовых корней», вычерчивание генеалогических деревьев, обращение к старым документам и фотографиям. Во многих семьях есть знатоки истории рода, занимающиеся архивными разысканиями.

В семейной исторической прозе особое место занимают этиологические мотивы. Очень характерно указание на местность, к которой изначально «восходит» род: «Мои предки по линии матери – выходцы с Украины»; «Папина линия: корни – Кубань»; «Предки нашей семьи были уроженцами Вологодской обл.» и т.п. Фольклорная память связывает начало семьи с появлением предков в определенном месте, с переселением. Глубина памяти при этом значения не имеет: «Примерно где-то в XVI в. мои предки бежали (сейчас это республика Коми) от крепостного права на берега Белого моря»; «Корни обеих ветвей моего семейства – маминой и отцовской фамилий – лежат где-то на белорусской земле. Оттуда пришли ** к концу XIX в. и поселились в Великолуцком р-не»; «До 1914 г. предки жили на Украине, в г. Полтаве. В 1914 г. было переселение на целинные земли в Казахстан. ** и ** со множеством родственников переехали в Казахстан». Устоявшаяся формула «Мои предки – выходцы из...» (Ярославской обл., поляков, крестьян и т.п.) имеет глубокий смысл. Рождение семьи, как и рождение человека, начинается с «перехода» из инобытия к данному бытию. Частный случай «перехода» – пространственное перемещение, которое воплощается в мотиве переселения предков. Еще одна реализация того же пред-

ставления – мотив иноэтнического происхождения семьи. Он присутствует в семейных рассказах или бытовых разговорах в утвердительной или предположительной форме: «Отец моей мамы – выходец из белорусов, а отец моего отца – вепс, и далекие предки имели цыганскую кровь»; «Мамины предки всю свою жизнь жили в Ярославской губ., были русскими, хотя и не исключено присутствие татарской или казахской крови со стороны родственников моего дедушки». Заметим, что последнее предположение типично для семей, связанных с поволжским регионом. Мотив иноэтничных «корней» включается и в ононимические тексты: «Фамилия Муратовы, по-видимому, пошла с татаро-монгольского ига и со временем изменена на русский лад».

Этиологические мотивы семейных рассказов группируются вокруг двух смысловых доминант: «прихода» («перехода») предков и их «укорененности». Укорененность связана, в первую очередь, с местностью, а также с этнической принадлежностью, социальным происхождением, родом занятий: «Могу лишь предполагать, что по маминной линии я – потомственная крестьянка, со слов бабушки, всегда говорившей, что в их роду все жили на Вологодской земле и были простыми людьми»; «Отцовская линия представляет собой простых коренных рыбаков-крестьян, живших на побережье Онежского озера». Слово «коренной (-ая, -ые)» – одно из самых ключевых в рассказах о прошлом семьи: «Моя бабушка коренная тулокчанка, все ее предки жили в Тулоксе»; «Папин отец по национальности вепс. Он коренной житель Карелии»; «Родители мои – коренные северные карелы» и т.п.

Слитность местности, населенного пункта и рода – устойчивый мотив семейных меморатов: «В этом поселке до сих пор живут дальние родственники, практически все жители имеют родственную связь». Чаще всего этот мотив связан с фамилией: «По рассказам бабушки, раньше в Деревянном фамилия Аббакумовы была почти у всех. Люди находились между собой в каком-то родстве»; «Родом они из Курской обл., из села, в котором тогда много было Бородиных». Встретился и редкий для современных текстов топонимический мотив: «Моя бабушка все время говорила, что пос. Тойволо назван в честь дедушки Тойво».

Фамилия нередко воспринимается как выражение родовой сущности. Происхождение фамилии – это происхождение семьи, первые сведения о ней, касающиеся имен, профессий, социального положения, качеств предков, неких событий: «Настоящая их фамилия была Кондратьевы, но так как одна из моих прапрабабушек была старообрядкой, люди стали называть всю семью староверами. Так появилась фамилия Староверовы»; «Моя фамилия – Пижанов – образовалась от французского слова "пижан", в переводе на русский язык это "голубь". Моя семья была спокойной»; «Моя фамилия происходит от имени Урван или Урбан, что означает поповский сын» и др.

Для рассказов о семейной истории характерна маркированность всего первого. Если кто-то из родственников был начинателем в чем-то, это непременно подчеркивается независимо от масштаба деятельности: «Бабушка была первым председателем колхоза в селе»; «Дедушка был первым кинемехаником Олонецкой губ.» и т.п. В целом же профессии и социальное происхождение предков указываются примерно в половине случаев, для родителей и современных родственников – значительно реже. Как правило, отмечаются заслуги предков перед государством, причем обычно речь идет о военных наградах дедов и прадедов. Часто подчеркивается, что предки пользовались большим уважением в городе, селе. Существенное значение имеет момент современной престижности тех или иных отличий, равно как и социального происхождения или вида деятельности. Так, в настоящее время наиболее престижно иметь предков из дворян, офицеров царской армии, священников, зажиточных крестьян.

В современных рассказах о семье акцентируются именно те моменты, которые до известного времени скрывались, не афишировались или как бы «забывались» семейной памятью: «Я немного только знаю о своих предках от родителей, но раньше не принято было об этом расспрашивать, так как не дай Бог, чтобы в то время кто узнал, что мой папа был из кулаческой семьи»; «Мой прадед был немец по национальности.

Прабабушка долгие годы скрывала от семьи этот факт». Сейчас, напротив, даже внуки и внучки подробно воспроизводят со слов бабушек и дедушек описания зажиточных крестьянских хозяйств предков, рассказы о выселении и т.п. История семьи – это и история страны. Примерно у 90% наших исполнителей есть в семейном репертуаре истории о событиях Великой Отечественной войны, около половины семейных биографий содержат сведения о репрессированных родственниках. Гибель прямых предков на войне или в годы репрессий, ссылки родственников и частые переезды оказываются причинами обрыва семейной памяти и отсутствия сведений о предшествующих поколениях.

Семья стремится занять достойное место в истории и культуре, повысить свой престиж, поэтому мотивы встреч с известными личностями разных эпох и участия в знаменательных событиях существенны для семейного самосознания: «Прадед прабабки был ямщиком у Петра I. За верную службу он получил от него один золотой. Приехал в Ладву и начал свое дело»; «Прадед был гусаром, присутствовал на коронации Николая II. Был награжден серебряным блюдом и кубком с царским вензелем за хорошую службу»; «А еще бабушка рассказывала, что, когда она была молодой, одно время в с. Михайловское видела А.С. Пушкина ребенком и знала его только как хулигана и проказника. Я почему-то в это иногда не верила».

Особая группа текстов связана с мотивами династической преемственности, наследственности, родственного сходства. По наследству передаются внешние данные и личностные свойства, типы поведения, виды занятий. Особенно четко прослеживаются связи через поколение, лучше всего – «бабушка – внучка»: «Моя бабушка Аня, говорят, подарила мне свой облик»; «Я отметила свое сходство поразительное с моей бабушкой по материнской линии. Те, кто ее помнит, говорят, что у нас даже голоса похожи»; «По маминей линии я знаю только свою прабабушку. Меня назвали в ее честь. Мама говорит, что вместе с именем мне передался и ее характер». Традиционным является наречение имени в честь бабушек и дедушек или их решающее слово при выборе имени. Обычай сохранять фамильные имена с давних времен служил поддержанию семейного единства⁵. Во многих современных семьях есть повторяющиеся и чередующиеся мужские и женские имена.

Между членами семьи устанавливается не столько биологическая, сколько сакральная связь. Она прослеживается, в частности, в мотивах передачи жизненной силы от предков к потомкам: «Чтобы я появилась на свет, бабушка Августа отдала мне свою жизнь. Якобы у меня не хватало энергии, чтобы родиться, а она передала ее мне»; «Мой дед умер в год моего рождения, а после смерти второго деда буквально через два дня у моего брата родился сын. Мужчины заменяют мужчин». Обнаруживаются тайные закономерности рождений, смертей, событий, совпадения дней и чисел: «В нашей семье закономерность – все даты повторяются, варьируются»; «Смерти эти как бы имеют свой порядок, например, на 40-й день, через год и девять дней, через два года и 40 дней».

Нами неоднократно фиксировался «женский» семейный мифологический сюжет: «В нашей семье, точнее в ее истории, есть одна закономерность. Я сделала вывод, что, начиная с бабушки **, нас кто-то сглазил или наложил проклятие, потому что уже у третьего поколения есть проблемы с созданием семьи. Кто-либо не был замужем вообще, у кого были незаконнорожденные дети, у кого был второй муж, и тот плохой»; «В семье говорят о "родовой порче" по женской линии. Все женщины несчастливы в браке» и др.

Разнообразна тематика семейных мифологических рассказов. Двум или нескольким членам семьи снится один и тот же сон; является дух умершего родственника и предсказывает события; мать на расстоянии чувствует, что ребенок в беде и «видит» все детали происходящего. Сферой бытования рассказов, варьирующих эти хорошо всем известные сюжеты, становится в первую очередь семья. Очень важны предсказания рождения, смерти, долгой жизни, замужества, сделанные предками или близкими родственниками.

Связующее звено между родственниками разных поколений – семейные вещи-реликвии. Можно выделить самостоятельную тематическую группу рассказов о реликвиях, обстоятельствах их передачи и чудесной силе. Такие вещи наделены особым символическим статусом. Главные среди них – фамильные иконы и обручальные кольца, которые передаются из поколения в поколение. Кроме того, предметы утилитарного назначения, передаваясь по наследству, также повышают свою значимость и становятся символами родового начала, хранителями семейной памяти: «У моей матери в хозяйстве старинный подойник, его подарила еще при жизни бабушка отца из Падан. Дедушкин инструмент (топор, вилы, лопаты), ловко сделанный и приспособленный, тоже в ходу». В современном быту все большее значение приобретают дневниковые записи родственников, фотографии, кассеты с записью голосов. С ними также могут быть связаны разъясняющие фольклорные тексты.

В рассказах об истории семьи самая устойчивая реалия – дедовский дом. Само наличие его означает укорененность предков в определенном месте. Дом – средоточие семейной жизни, символ рода. Информаторы, как правило, отмечают, что дом есть или был, указывают его расположение в деревне или городе, подчеркивают возраст: дому «в ближайшем будущем исполнится 100 лет», он «самый красивый в деревне», предки «постоянно перестраивали, но никогда его не продавали, а передавали его из поколения в поколение». Бытуют и самостоятельные рассказы о строительстве дома, спасении его от пожара или, наоборот, обстоятельствах уничтожения, о страхах, пережитых в детстве в дедовском доме. Неслучайно размещение общественных учреждений в бывших домах предков, как и строительство последними общественных зданий, включается в число самых высоких заслуг семьи.

Устные рассказы различной тематики составляют самую значительную часть фольклорного репертуара большинства семей. Только несколько человек из всех опрошенных ответили, что дома «ничего такого не рассказывают», а «больше говорят на бытовые темы, об увиденном по телевизору и иногда о политике». Памятные случаи – страшные, смешные, занимательные и поучительные – связаны с прошлым и настоящим, с работой, друзьями, культурными впечатлениями. Они неоднократно повторяются «к случаю», к теме разговора и в определенных типовых ситуациях, когда семья собирается вместе или группами: «В основном все семейные рассказы, когда застолье или какая-либо жизненная ситуация, при которой мама хочет чему-то научить меня, что-то посоветовать. Тогда она рассказывает о своей нелегкой жизни, о трудностях, с которыми она сталкивалась, о том, как преодолевала их, или рассказывала обо мне и моем детстве». Воспитательные цели далеко не всегда встречают понимание: «Если бабушка начнет вспоминать про свою молодость, то постоянно рассказывает, что они раньше были совсем не такие, как нынешняя молодежь». При этом из рассказов родителей лучше всего запоминается, что мама «была в детстве бандиткой», а папа «был злостным прогульщиком, подделывал в дневниках оценки».

У каждого поколения с учетом пола – свой репертуар, более пассивными хранителями которого являются остальные члены семьи. Эстонская фольклористка П. Киппар вспоминает, что каждый представитель старшего поколения в их семье имел свой «конек»: один рассказывал сказки, другой – предания, третий много знал о селе и односельчанах. Так составлялся общий фонд семейных рассказов, которые были адресованы детям и преследовали воспитательные, образовательные, развлекательные цели⁶. Есть сюжеты, актуальные для родственников разных поколений. К таким относятся, например, романтизированные истории замужества бабушек и прабабушек, реже – матерей. Это преимущественно женский фольклор – рассказы о знакомстве молодых людей, бегстве и тайном венчании, препятствиях, чинимых родителями, вынужденном браке с нелюбимым: «Бабушка вышла замуж не по своей воле, ее приворожили» (следует рассказ); «Сестру моей бабушки родители насильно хотели выдать замуж, но жених, которого она любила, увез ее с венчания на лошадах в свою деревню». Сюжеты могут оформляться в законченные новеллы, излагаемые

почти по-сказочному: «У моей прапрабабушки была дочка, которая была влюблена в небогатого юношу. Прапрабабушка была против этого брака. И вот однажды ее дочка пошла за водой на колодец, и там ее украл этот парень, которого она любила и который любил ее. Прапрабабушка не хотела мириться с этим и не дала своего согласия на свадьбу. Ну, а ее дочь и тот парень до самой старости жили вместе в любви и согласии». Такие истории любят вспоминать бабушки, а слушать и пересказывать – представительницы младшего поколения.

При всем многообразии тематики семейных меморатов они, подобно «классическим» фольклорным жанрам, могут быть систематизированы, поскольку группируются вокруг устойчивых тем и мотивов. Так, среди «случаев из жизни», бытовых по содержанию и изложенных с установкой на достоверность, нам встретились варианты сказочных сюжетов «Глупая невеста», «Глупцы оставляют сани оглоблями туда, куда едут», «Пьяные утки». Они могут быть идентифицированы по международному указателю сюжетных типов сказок.

Устные рассказы формируются по определенным структурно-смысловым моделям. Четче всего выявляются два типа: мемораты о пережитом страхе и мемораты-анекдоты. Рассказы первого типа касаются тяжелого и военного прошлого, опасных и вследствие этого романтизированных занятий и профессий: моряка, милиционера, военного, охотника и пр., а также счастливого спасения от бытовых угрожающих жизни ситуаций и болезней. Сюжетная основа меморатов-анекдотов – любое «неправильное» поведение, ломающее стереотип: мама ушла на работу в разных туфлях; подвыпившие родственники в праздник пришли с подарками в чужую квартиру; дядя ночью принял снеговика за вора и т.п. В меморатах обоих типов явно преобладает «детская» тематика. Страхи связаны с подменой ребенка в роддоме, кражей и потерей детей, бытовыми опасностями: ребенок упал с высоты, случайно спاسся от падающего предмета. Все мотивы типичны и хорошо узнаваемы. Много рассказов основано на неадекватном обращении детей с предметами, которое приводит к неприятностям, но по прошествии времени воспринимается как смешное: лизнул железо на морозе, съел упаковку лекарств, засунул камешки в нос и пр. Неисчерпаемая тема – детское произношение. Значительную группу анекдотов составляют рассказы, «завершающиеся неожиданной и смешной для взрослого словесной реакцией ребенка на создавшуюся ситуацию»⁷. Немаловажное место в репертуаре каждого человека занимают истории о собственном детстве: «Когда я был маленький...» Их также следует отнести к семейному фольклору, так как они воспроизводятся со слов близких, входят в разряд семейных воспоминаний и представляют коллективную интерпретацию события.

Особая область – фольклор для детей. Использование его полностью зависит от семейной ориентации. Место традиционных «бабушкиных сказок» все больше занимает детская литература, сказки читаются детям. На смену колыбельным приходят песенки из кинофильмов, например романс из «Гусарской баллады», мультфильмов. Нельзя, однако, утверждать, что фольклорная традиция уходит в прошлое. Многие информаторы молодого возраста хорошо помнят и мамыны колыбельные, и детские сказки. Литературные тексты также фольклоризуются. Кроме того, существуют сказки особого рода. Они сочиняются старшими для детей с большим или меньшим соблюдением трафарета, т.е. в соответствии с представлениями о «сказочности»: «Моя тетя сама сочиняла сказки про газированные реки, шоколадные горы, про страны, в которых пирожные растут на деревьях, и т.д». Сказочные мотивы влетают в игры, преследующие воспитательные цели: «Многие игры были выдуманы родителями специально для меня, вроде Карабаса-Барабаса, который пугал детей, если они плохо ели, или спасения человечка, который тонул на дне полной каши тарелки». Нежелание детей есть – главный стимул к подобному «сочинительству» взрослых. «Воспитательные» сказки могут придумываться по любому поводу и исполняться в данной, конкретной типовой ситуации: «Когда мне мыли мои длинные волосы и мыло часто попадало в глаза, она [мама. – *И.Р.*] рассказывала мне сказки о

русалках, у которых были длинные волосы и в которых влюблялись красивые принцы. Русалки утаскивали их на дно моря. И тогда мне тоже хотелось иметь длинные красивые волосы».

Домашние сказки и сказки-игры часто исполняются «с продолжением». Они могут перейти к следующему поколению семейных воспитателей: «Специально для меня придумали сказку про гномиков. Сказка была многосерийной. Главные герои – гномики и их друзья: бабочки, птички, зверюшки. А ночью под подушку клали конфету или еще что-нибудь. И я верила, что это принесли гномики. Появлялись после меня еще дети, и сказка про гномов стала традиционной. Теперь я часто рассказываю ее моей доченьке».

Обрядовый и игровой фольклор семьи связан с праздниками и знаменательными датами. Лучше всего сохраняется новогодняя обрядность. Новый год традиционно считается семейным праздником, который следует отмечать в кругу родных: «Люди в Новый год стараются быть поближе к своим родным, чтобы и весь год потом быть рядом»; «Этот праздник мы иногда встречаем и не дома, но обязательно в кругу семьи». Праздничная словесность существует в устной и письменной формах. Во многих семьях поддерживается традиция пожеланий, в том числе на открытках или бумажках, запеченных в пироги, развешанных на елке или спрятанных в обуви. В праздничных приготовлениях участвует вся семья. Кульминационный момент – приход Деда Мороза, в которого переодевается кто-либо из домашних. Обрядовое ряжение превратилось в домашний театр для детей. Разрабатываются игровая (формы появления Деда Мороза, выдача подарков) и фольклорно-словесная (ритуальные диалоги с ребенком, пожелания, рассказы) стороны его. Ритуальные диалоги особенно необходимы тогда, когда детям нужно объяснить, почему Деда Мороза нельзя увидеть: «Ведь Дед Мороз такой холодный, ...нужно притвориться спящей»; «Мы объясняем, что Деду Морозу некогда, он очень спешит, поэтому его друг, снежный ветерок, принес подарки и положил под елку». Новогодняя игра иногда начинается задолго до праздника. Завязывается, например, переписка с Дедом Морозом или феей, от которых потом, в новогоднюю ночь, и приходит подарок. Фольклор Нового года включает также традиционные пожелания, тексты примет, словесное сопровождение гаданий. Тематика застольной беседы отчасти ритуализована. Так, в некоторых семьях принято вспоминать всем вместе или поочередно события уходящего года, с тем чтобы хорошее «перешло в наступающий год», а плохое «осталось в уходящем году».

В повседневном словесном общении каждой семьи специфическую роль играют фразы и выражения поговорочного и пословичного типа, прозвища, дразнилки, остроты, поддевки и т.п., которые выполняют внутрисемейную знаковую функцию, рождаются или фольклоризируются в данной семье и понятны только членам семейной группы. Среди родственников есть свои остроумцы, мастера давать прозвища и наименования, обыгрывать общеупотребительные стереотипы речи. Для посторонних такие тексты требуют объяснительного рассказа: почему, например, маму называют «прорицателем», а бабушку – «прокурором», кто такой «Ваучер», и что означает «пойти чистить снег», если на дворе летний вечер.

Источников формирования семейного словаря достаточно. Ряд слов и выражений закрепляется благодаря детской речи и интерпретации слов: «исля» – кисель, «навалá» – много, навалом, «неврастения – это когда человек болеет и врать не может» и т.п. Вполне естественно, что именно детские окказионализмы остаются в семейной традиции. Это первая и ближайшая сфера их бытования. Во многих семьях у мам есть тетрадки, куда они заносят слова и высказывания детей. В целом же нестандартное словоупотребление и даже характерная интонация любого члена семьи, знакомого, диктора телевидения и т.д. могут приобрести особую знаковость в контексте семейного общения.

Случаи из семейной жизни ложатся в основу устойчивых выражений, которые произносятся в типовых ситуациях. В создании языка для внутреннего пользования

«участвуют» соседи, коллеги, друзья: «хитрый, как [фамилия знакомого. – И.Р.]»; «у Польки [соседки. – И.Р.] в огороде» (при поисках какой-либо вещи). В национально-смешанных, но русскоязычных семьях специфическую функцию дразнилок, прозвищ, инвектив выполняют нерусские слова и выражения: «Смешные высказывания используются на карельском языке. Переводить я их не могу, но чаще всего мы друг друга понимаем»; «Дедушка очень любил дразнить меня такой фразой [пример] и говорил он это всегда только на карельском языке»; аналогично – в русско-финских, русско-белорусских семьях. Источники семейных паремий, как и устойчивых выражений с более широкой сферой бытования, – книги, фильмы, телепрограммы, популярные анекдоты и т.п. Предпочтения зависят от культурной ориентации, а также начитанности, информированности, профессионально-образовательного фактора, ассоциативных способностей членов семейной группы, внесемейных контактов и других обстоятельств. Комплекс причин детерминирует семейные взаимоотношения и соответственно словесное общение. Есть семьи, где не приняты прозвища, дразнилки, поддевки, но хорошо развита повествовательная традиция, и, наоборот, семьи с преобладанием смехового фона.

Глубина семейной памяти и широта современных интересов, служащие сплочению семьи, у всех разные, но это не ставит под сомнение существование общих закономерностей функционирования устной словесности родственников. Можно утверждать, что фольклор бытует в семейных вариантах, и вместе с тем есть жанровые разновидности, актуальные только для семейного фольклора. Их функции связаны с самосознанием семьи, а наиболее благоприятные условия бытования – с периодами, когда семья особенно осознает свое единство.

Примечания

¹ Family as the Tradition Carrier. Tallinn, 1994.

² Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994. С. 44.

³ Schulz D.A. The Changing Family: Socialization and Interaction Process. Glencoe, 1972. P. 58.

⁴ Путилов Б.Н. Указ. раб. С. 161.

⁵ Пушкарева Л.Н. Русская семья X–XVII вв. в "новой" и "традиционной" демографической истории // Этнограф. обозрение. 1996. № 3. С. 68.

⁶ Kippar P. Stories told in our Family // Family as the Tradition Carrier. P. 33–34.

⁷ Душечкина Е.В. Анекдоты о детях. Из области семейного фольклора // Учебный материал по теории литературы. Жанры словесного текста. Анекдот. Таллин, 1989. С. 159.

I. A. R a z u m o v a. The folklore tradition in families and kin-groups

The family oral traditions as a peculiar folklore field distinguished "by specific functions of the group identity are under consideration. Stable structure and narrative motifs of family "biographies" are viewed. Some types of separate memorates, home fairy tales, modern ritual texts, jokes, idioms and other genres are represented in the family folklore space. The article is based on the original materials gathered by the author in Karelia, Russia (1995–1998).